

УДК 343.144

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520-528

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ,
адъюнкт кафедры уголовного права,
Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
Researcher ID I-2819-2017,
e-mail: sledstvient404@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Для цитирования

Чернышев, Д. Б. Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств / Д. Б. Чернышев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 520–528. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520-528.

Аннотация. Высокий общественный резонанс, вызываемый регулярно выявляемыми случаями принуждения к даче показаний в ходе следствия, обуславливает актуальность научного изучения данной проблемы. В статье рассматриваются мотивы, побуждающие правоприменителей к использованию насилия в отношении допрашиваемых лиц, дается оценка историческим, правовым, нравственным предпосылкам принуждения как уголовно-процессуального метода или средства получения доказательств. Акцентируется внимание на методологической эффективности принуждения с точки зрения криминалистической тактики, а также достоверности и ценности полученных таким способом доказательств. Делается вывод о том, что существующее негативное отношение к доказательственному значению показаний, полученных под принуждением, основано на ошибочном понимании мотивов его применения. Абстрагируясь от формального представления о насилии как о физическом и нравственном истязании и оценивая его назначение с аксиологической точки зрения, автор полагает принуждение к даче правдивых показаний в форме, не связанной с причинением боли человеку, эффективным средством достижения целей уголовного процесса – установления истины по уголовному делу.

Ключевые слова: пытки, насилие, признание вины, доказательство, показание, обвиняемый, принуждение.

Упоминание насилия как способа получения показаний, применяемого в уголовном процессе, на первый взгляд вызывает исключительно негативные ассоциации, связан-

---

© Чернышев Д. Б., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ные со средневековой инквизицией, опричным террором Ивана IV Грозного, репрессиями первых лет советской власти. Во всех случаях в глазах современников насилие как уголовно-процессуальное явление несет негативный характер. При этом, помимо абсолютного отрицания физического и психического принуждения в современном просвещенном обществе с точки зрения гуманизма, современными исследователями отрицается в том числе сама процессуальная эффективность этого способа получения доказательств и установления истины по уголовному делу.

Несмотря на существующий во всех цивилизованных странах законодательный запрет на использование насилия при получении доказательств, регулярно отмечаемые в России случаи рецидива применения указанного способа уголовно-процессуального принуждения свидетельствуют о том, что данный правовой атавизм еще не до конца искоренен из правоприменительной практики, что, в свою очередь, обуславливает актуальность изучения данного негативного явления.

Проблеме применения насилия при получении доказательств в уголовном процессе посвящено значительное число исследований, среди которых следует отметить труды советских ученых-процессуалистов А. Ю. Вышинского, М. А. Чельцова-Бутова, В. И. Каминской, а также работы современных авторов А. С. Барабаша, А. Э. Иваньшиной, С. А. Гордейчик, Н. А. Егоровой, Ю. В. Шелегова, Е. Б. Кургузкиной. Изучение работ указанных исследователей показало единодушное отрицательное отношение к применению насилия в качестве метода получения показаний и использованию таких показаний в качестве доказательств виновности. При этом основная дискуссия ведется относительно обосновывающих подобную позицию мотивов. Однако, на наш взгляд, исследуемые мотивы базируются на ошибочном понимании истинного предназначения применения насилия в уголовном процессе, правовых и волевых предпосылок его появления.

Основные доводы против применения методов принуждения при получении показаний условно делятся на две группы: недопустимость причинения физических и нравственных страданий личности человека с точки зрения современной гуманистической идеологии, а также неэффективность и недостоверность полученных под принуждением доказательств для установления истины по уголовному делу.

Мы согласны с первой группой доводов и не призываем к применению насилия, полагая недопустимым в современной правовой реальности причинение страданий обвиняемому с целью принуждения его к даче показаний.

Однако ко второй группе доводов мы относимся критически, так как, на наш взгляд, они основаны на ошибочном понимании сущности появления насилия в уголовном процессе и истинной цели его применения. Полагаем, что принуждение к даче показаний может служить цели установления объективной истины по уголовному делу, и пытку следует рассматривать как способ достижения истины, и ни в коем случае не как средство истязания. В связи с этим целью настоящего исследования является теоретическое осмысление сущности принуждения как уголовно-процессуального средства получения достоверных доказательств по уголовному делу.

Как отмечает А. Э. Иваньшина, в научной среде пытку как средство получения доказательств рассматривают исключительно негативно, причина – восприятие ее в идеологическом ключе, при этом игнорируется методологическая составляющая [1].

Перед непосредственным изучением проблемы насилия необходимо определиться со смысловым содержанием данного явления. В широком смысле оно может иметь два значения: 1) мера уголовно-процессуального принуждения к даче показаний; 2) мера уголовного наказания. В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать

применение насилия исключительно в уголовно-процессуальном смысле, то есть как средство процессуального получения показаний, используемых в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу, а не как способ причинения страданий, являющихся одновременно самоцелью.

Понятие пытки, закрепленное в примечании к ст. 117 УК РФ, определяет ее как причинение физических и нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека. Более широкое определение данного явления приводится в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.), согласно которому под пыткой понимается любое действие, причиняющее сильную боль или страдание, физическое или нравственное, совершаемое государственным должностным лицом лично либо по его подстрекательству, с его ведома либо молчаливого согласия с целью получения сведений или признаний либо с целью наказания.

Пытка (истязание, в том числе самоистязание) имеет историю, уходящую корнями в глубокую древность. При этом она далеко не всегда была средством принудительного получения показаний в уголовном процессе. Древняя процедура ордалии, существовавшая со времен Античной Греции до расцвета средневековой инквизиции, служила процессуальным средством проверки правдивости уже данных показаний, отказ от нее приравнивался к признанию вины и самопроклятию. В сознании древних определение истины доверялось Богу, которому не требовалось признание вины подозреваемым, так как Он изначально знал, кто прав, через испытание Бог указывал виновного [2].

По мнению судьи Европейского Суда по правам человека Б. Уолша (Ирландия) в отношении постановления от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) значительные злоупотребления данной нормой со стороны инквизиции привели к появлению в XVI–XVII вв. в английском общем праве доктрины о невозможности превращения человека в орудие своего собственного осуждения. Российская уголовно-процессуальная традиция в целом соответствовала европейской и изначально рассматривала пытку как инструмент проверки правдивости показаний допрашиваемого. Так, до XVIII в. она применялась к обвиняемому вне зависимости от наличия признательных показаний. Пытаемый должен был подтвердить искренность данных показаний, пронеся их через мучительную процедуру пытки [3]. В ходе глобального реформирования российского законодательства Петром I пытка впервые получила форму меры процессуального принуждения к даче показаний и применялась в случаях, когда само преступление несомненно, обвиняемый не сознается в преступлении либо против него есть улики или полудоказательства [4]. В разделе «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» Воинского устава 1716 г. указывается, что в случае отсутствия у допрашиваемого стремления признаться добровольно его необходимо пытаться, дабы получить желанное признание [5]. Протокол допроса камер-медхен Софии в ходе дознания, проводимого в 1742 г., начинался словами: «О всем том, что спрашивало будет, имеешь показать самую истину, без малейшей утайки, под опасением истязания» [6]. Из данных источников мы можем судить о двойственном назначении пытки – добиться признания вины со стороны допрашиваемого, а также получить правдивые показания, то есть установить истину по уголовному делу. Мы хотели бы особо обратить внимание на разницу между этими двумя целями применения пытки, так как данная двойственность сущности пытки, сопровождающая ее с древности до настоящего времени, на наш взгляд, и является причиной ошибочного

понимания ее истинного назначения и недооценки ее методологического потенциала в криминалистике.

Именно по этой причине ретроспективный взгляд на подход к пониманию насилия при получении доказательств имеет такое значение для разделения форм его проявления. Приписываемое Генеральному прокурору РСФСР А. Я. Вышинскому утверждение: «Признание – царица доказательств», – в действительности имеет корни в римском праве, где «*Regina probationum*» – признание вины подсудимым делало излишним проведение дальнейшего следствия, поиска иных доказательств [7]. Доказательственное значение признания на протяжении веков особо подчеркивалось как в нормативных документах, так и в научной юридической литературе. Так, ст. 681 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. при наличии признательных показаний предписывала суду, не производя дальнейшего исследования материалов уголовного дела, переходить к окончательным прениям. М. А. Чельцов-Бебутов полагает, что в данном документе впервые была закреплена так называемая теория формальных доказательств, освобождающая лицо, ведущее расследование, от бремени поиска иных улик по уголовному делу при возможности приобщения признательных показаний обвиняемого [8]. А. Я. Вышинский также в своих работах утверждает, что на обвиняемого должно быть возложено в том числе бремя доказывания оправдывающих его обстоятельств, алиби. При этом он добавляет, что признание вины является излишним и не имеет доказательственного значения лишь в том случае, когда в деле имеются другие установленные обстоятельства, доказывающие виновность данного лица [9]. А. С. Барабаш интерпретирует слова А. Я. Вышинского таким образом, что упомянутая обязанность обвиняемого перерастает в «долг», который может быть взыскан принудительно. На практике «взыскание долга» может выражаться в том числе в требовании от обвиняемого доказывания не только своей невиновности, но и виновности. И пытка может выступать в качестве процессуального средства «взыскания долга». Развивая свою мысль, данный автор критикует позицию А. Я. Вышинского, переставляет местами его тезисы о позиции признания вины в системе доказательств и приходит к выводу о том, что лишь отсутствие признания требует поиска иных доказательств, в связи с чем в интерпретации А. С. Барабаша слова А. Я. Вышинского укрепляют признание в качестве «царицы доказательств» [10].

Таким образом, мы наблюдаем дискуссию относительно доказательственного значения признания подсудимым своей вины, и из отношения к данной проблеме закономерно вытекает объяснение мотива применения пытки как средства получения «главного доказательства» по уголовному делу. Сторонники указанного подхода мотивируют поведение должностных лиц, применяющих пытки к допрашиваемым с целью получения признательных показаний, интересами «оптимизации» следствия, стремлением избежать трудностей, связанных с добросовестным выполнением обязанности по сбору объективных доказательств по уголовному делу, стремлением «раскрыть» преступления, повысив тем самым статистические показатели своей работы, и т. д. [1, 10, 11, 12]. Мы согласны с данным подходом и полагаем, что когда мотивом применения насилия является именно получение признательных показаний с целью облегчения расследования уголовного дела и освобождения от дальнейшей работы по сбору иных доказательств, а не установление истины по уголовному делу, то методологическое значение данного уголовно-процессуального механизма становится отрицательным, что предопределяет низкую ценность полученных таким образом доказательств.

На данном этапе необходимо отдельно остановиться на упомянутых выше ошибочных, с нашей точки зрения, доводах относительно истинных мотивов применения насилия, так как именно они служат предпосылками для отрицания принуждения как средства уголовно-процессуального получения доказательств и недооценки его методологического потенциала при установлении объективной истины по уголовному делу.

Изучение имеющихся источников позволило сформулировать основные тезисы, на которые в различных интерпретациях ссылаются авторы.

Наибольшей популярностью при аргументации пользуется тезис о том, что целью применения насилия является получение от допрашиваемого признания вины как основного доказательства по уголовному делу. Данный мотив неразрывно связан с местом признания в общей системе доказательств. По мнению авторов, именно само явление самоинкриминирующих показаний обвиняемого в качестве доказательства создает предпосылки к злоупотреблениям, направленным на его получение. Так, А. Э. Иваньшина полагает, что именно значение признания как доказательства является основанием для его «выбивания» [13]. А. С. Барабаш полагает, что признание лишает уголовный процесс состязательности, освобождая обвинение от необходимости доказывать виновность, в связи с чем насилие становится основным методом получения «основного доказательства», укоренившись в качестве такового в мышлении правоприменителей [10].

Очевидным, с точки зрения исследователей, решением указанной проблемы, направленным на борьбу с рецидивами применения насилия в современной правоохранительной деятельности, видится искусственное снижение доказательственного значения показаний обвиняемого. Наиболее радикальную позицию, а именно полное исключение показаний подозреваемого и обвиняемого из системы доказательств, занимает Ю. В. Шелегов [12]. А. С. Барабаш предлагает внести изменения в п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, согласно которым в качестве доказательств могут быть учтены лишь те показания подозреваемого и обвиняемого, которые свидетельствуют о его невиновности, полагая, что таким образом правоохранители лишатся главного мотива применения пытки – получения признания любым путем [14]. С. А. Гордейчик предлагает в качестве доказательств принимать лишь показания подсудимого, данные им в ходе судебного следствия [15]. А. Э. Иваньшина, поддерживая предложение А. С. Барабаша, полагает, что признательные показания следует учитывать лишь при решении вопроса о применении особого порядка судопроизводства, назначения судебного штрафа, освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и т. д. [13]. Мы не согласны с позицией последнего автора, так как предоставление при назначении наказания привилегии, связанной с применением особого порядка судопроизводства, назначения судебного штрафа и пр., одним из условий для которых является признание вины, вызвано в первую очередь пониженным уровнем общественной опасности обвиняемого, осознавшего свою преступную сущность и раскаявшегося. И лишь во вторую очередь это вызвано оптимизацией работы судов, экономией уголовно-правовой репрессии и т. д.

Еще один мотив применения пытки – нехватка у правоприменителей интеллектуальных средств установления истины по уголовному делу, а также желание снизить трудозатраты, связанные со сбором доказательств. Причинами применения насилия при допросе Ю. В. Шелегов называет отсутствие умений и желания получать достоверные сведения процессуальным путем, стремление идти по пути наименьшего сопротивления, низкую культуру следователей, судей, вызванные низким уровнем правовой культуры общества, порождающие современную модель уголовного судопроизводства. Автор также отмечает стремление к достижению «формальной истины», то есть соответствию

требованиям закона в ущерб действительности [12]. А. С. Барабаш также в качестве причины применения насилия в ходе допроса называет нравственный регресс правоприменителей, вызванный укоренившимися атавизмами «формальных доказательств». При этом он подчеркивает, что состязательное мышление при отсутствии общей и правовой культуры фактически оправдывает применение насилия для получения признательных показаний [10]. Б. Н. Кашников видит насилие в мышлении правоприменителя в качестве более короткого и простого пути к цели [16].

К ошибочным, с нашей точки зрения, мотивам отрицания процессуального потенциала применения пытки при получении доказательств также относится тезис о том, что человек под пыткой готов признаться в чем угодно. Так, Н. И. Нарышкина полагает, что простая демонстрация пыточных орудий побуждает человека признаться даже в несуществующих грехах [11]. А. Шайо использует данный тезис в качестве основной аргументации в защиту свидетельского иммунитета [17].

В настоящее время существует законодательно закрепленный запрет на применение насилия к допрашиваемым лицам. С точки зрения юридической теории право не быть подвергнутым пыткам относится к группе охранительных [18]. Интерес в рамках настоящего исследования представляет сущность появления и пределы данного права. Исследователями высказываются два основания данного права. Н. В. Витрук относит правовую возможность на защиту от пыток и жестокого обращения к группе фундаментальных гражданских и политических прав [19]. Данный подход также нашел свое отражение в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г. (Series A. № 26. P. 65, para. 162). Другая, более популярная среди исследователей позиция базируется на естественном праве уважения воли личности свободно распоряжаться собой [20]. Данный подход в основном опирается на нравственные представления о ценности внутренней духовности человека, которую надлежит оберегать от подавления собственного духовного достоинства посредством насилия в любой форме, так как это может поколебать доверие человека к самому себе. Пытки же разрушают душевное здоровье и духовную силу человека [21]. В пытке заложено безнравственное начало причинения жертве особых страданий [22]. Право на защиту от пытки тождественно праву на защиту достоинства, чести и репутации и обеспечивает нравственное единство личности, при котором любое ее принуждение, посягающее на указанные достоинство и честь, невозможно [23].

Перечисленные доводы, обосновывающие порочную природу появления и применения насилия в уголовном процессе, выглядят весьма убедительными. Однако в рамках настоящего исследования мы хотели бы взглянуть на данную проблему несколько с иной стороны.

Рассуждая о допустимости применения пытки, невозможно не затронуть моральной составляющей данной проблемы. Статья 2 Конституции РФ определяет права и свободы человека в качестве высшей ценности. Внутренний мир, свобода воли, честь и достоинство, разумеется, относятся к данной категории прав. Однако применительно к уголовному процессу встает один из старейших нравственно-философских вопросов иерархии публичных и частных интересов. При декларировании внутренней свободы личности, к которой в том числе относится право на отказ от дачи показаний, в качестве высшей ценности публичные интересы ставятся ниже частных. Одной из функций государства как публичного представителя общества является борьба с преступностью. Общество заинтересовано в защите каждого своего члена от преступных посягательств, и это является одной из первых форм обеспечения названных выше частных интересов. Таким

образом государство, осуществляя публичные функции по противодействию преступности, отстаивая публичные интересы, одновременно обеспечивает защиту интересов частных. Ведь любой публичный интерес состоит из множества частных. Возвращаясь к теме исследования, а именно о применении пытки как уголовно-процессуального средства получения доказательств, мы задаемся сложным вопросом, выходящим за рамки юридической науки: является ли познание истины по уголовному делу, установлению действительно преступника и, как следствие, привлечение его к ответственности за действительно совершенное преступление общественным благом? Безусловно, да. Однако насколько велика ценность данного общественного блага и каковы допустимые пределы его достижения? Возможно ли жертвовать частными интересами ради высокой цели защиты публичных ценностей? Общая философская парадигма второй половины XX в., находясь под сильнейшим впечатлением от ужасов двух мировых войн, однозначно указывает на приоритет защиты личности от любых посягательств со стороны государства независимо от важности мотивов. Однако в настоящее время данная позиция эволюционирует в обратном направлении. В ряде европейских стран начинают высказываться доводы о том, что в случаях, касающихся общественной безопасности, нарушение прав человека может быть допустимо.

Первым толчком к развитию идеи о возможности ограничения прав и свобод личности послужило обострение борьбы с мировым терроризмом после трагедии 11 сентября 2001 г. в г. Нью-Йорке. Премьер-министр Италии С. Берлускони утверждал, что на людей, имеющих средневековые представления о добре и зле, нельзя воздействовать с помощью цивилизованных мер [22]. В марте 2008 г. президентом США Д. Бушем по мотивам «чрезвычайных обстоятельств борьбы с терроризмом» было наложено вето на законопроект, запрещающий определенные виды психологической пытки [24]. Высокий общественный резонанс вызывают периодические сообщения о применении американскими военными насилия при допросах лиц, обвиняемых в терроризме, в тюрьме Гуантанамо. Все это свидетельствует о том, что даже современные цивилизованные западные страны, декларирующие гуманистические идеалы свободы личности, допускают существование общественных интересов, ценность которых настолько выше свободы воли человека, что для их достижения возможно такое грубое нарушение указанной свободы, как насильственное принуждение к даче показаний. С данной позицией также неразрывно связан старый аксиологический философский вопрос: есть ли что-то дороже человеческой жизни? Однозначный ответ на указанный вопрос до сегодняшнего дня не выработан, и философская дискуссия продолжается. Не являясь специалистом в области философии, автор может лишь высказать свое мнение: «Да, есть! Две человеческие жизни!» Даже средневековые инквизиторы, жестоко преследуя ересь, стремились к достижению общественного блага в понимании средневекового сознания – очищению христианства от вероотступничества. В наши дни эта формула заместилась словами «защита общества от преступности» [22]. Как видно, мы придерживаемся мнения о том, что общественный интерес выше частного. Возвращаясь к криминалистическому потенциалу принуждения, постараемся изложить свою позицию.

Прежде чем решить, допустимо ли применение принуждения для получения сведений, мы должны ответить на вопрос: чего мы хотим этим добиться? Если в качестве движущего мотива применения насилия является получение «главного доказательства», то, безусловно, подобная форма уголовного процесса противоречит интересам законности и справедливости. В качестве мотива может выступать также абстрактное получение доказательств, позволяющих установить действительные обстоятельства совершен-

ного преступления. Такая ситуация объективно соответствует процессуальному назначению пытки. Однако мы полагаем, что истинное методологическое значение пытки – средство познания истины, то есть правды об объективной действительности, существующей в форме «вещь в себе», независимо от субъективного к ней отношения сторон уголовного процесса. Насилие в таком понимании является лишь одним из средств познания истины. Для более точного восприятия его сути, свободного от стереотипного отношения к пытке как к физическому истязанию, с этого момента мы будем понимать ее как применение насилия в любой форме. Насилия с целью познания истины! И смыслом познания истины является достижение высокого общечеловеческого блага – защиты общества от преступных посягательств, достижения целей справедливости. Ведь одна из форм справедливости – это когда лицо, в действительности совершившее преступление, получает наказание, соответствующее тяжести проступка. Рассуждая диалектически, мы полагаем, что избегание преступником наказания за действительно совершенное преступление – это форма несправедливости по отношению к обществу и к самому преступнику. Для достижения целей общественной и личной справедливости допустимо нарушение определенных личных свобод, особенно если под насилием подразумевается не только физическое истязание, а любое внешнее вмешательство, нарушающее волю человека, – моральное и психологическое давление, обман, провокация, использование средств гипноза, применение специальных химических препаратов. По сути, кроме «кну́та» – непосредственного принуждения к даче показаний, в арсенале правоприменителей имеется и «пря́ник» – средства уголовно-правового стимулирования путем предоставления определенных привилегий при назначении наказания, таких как особый порядок судопроизводства. Опосредованно их также можно отнести к средствам склонения обвиняемого к даче признательных показаний. Таким образом, истинная цель насилия – получение не любых самооговаривающих показаний, а правдивых показаний.

Мы полагаем, что принуждение к даче показаний, совершаемое в определенной форме, если оно преследует цель познания истины, имеет положительное методологическое значение для криминалистики, являясь средством достижения справедливости как по отношению к обществу, так и по отношению к самому преступнику.

Библиографический список

1. Иваньшина А. Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 299–303.
2. Мальцев Г. В. Мечь и возмездие в древнем праве. М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. 633 с.
3. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
4. Спасович В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула : Автограф, 2000. 496 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
6. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. 413 с.
7. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локкид-Пресс, 2005. 852 с.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М. : Минюст СССР, 1947. 52 с.

9. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юрид. лит., 1950. 308 с.

10. Барабаш А. С. Доказательственная ценность признания обвиняемым своей вины вчера, сегодня // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция. 2015. № 1(26). С. 15–24.

11. Нарышкина Н. И. Классификация пыток, практиковавшихся в тюрьмах России и Европы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 182–186.

12. Шелегов Ю. В. Пытки как крайняя форма девиации в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования // Девиация в современном российском обществе. Ее профилактика и минимизация : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. С. 63–67.

13. Иваньшина А. Э. Стимулирование обвиняемого к признанию своей вины: проблема минимизации рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 678–681.

14. Барабаш А. С. Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по итогам материалов Международ. науч.-практ. конф., Тюмень, 17–18 ноября 2005 г. : в 5 ч. / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2006. Ч. 4. С. 45–48.

15. Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Пытки на предварительном расследовании: причины и предупреждение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2(21). С. 94–99.

16. Кашников Б. Н. Насилие справедливости и справедливость насилия // Военно-юридический журнал. 2013. № 8. С. 20–28.

17. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М. : Юрист, 2001. 292 с.

18. Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Конституционное право России : учеб. пособие / отв. ред. Ю. А. Веденеев. М. : Юриспруденция, 1999. 288 с.

19. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008. 448 с.

20. Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М., 1987. 155 с.

21. Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 430 с.

22. Дикаев С. У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 25–30.

23. Еминцева Ю. А. Место запрета пыток в системе общепризнанных прав человека // NovaUm.Ru. 2016. № 4. С. 152–154.

24. Данилов А. П. Всеобъемлющее нарушение тайны общения как мера безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1(32). С. 41–47.